

Папа знал, что Чу И постоянно задирают. Сейчас потеплело, и в такое время ночная жизнь мелких хулиганов и уличных банд только начинается. Вероятно, папа боялся, что если Чу И будет в хорошем настроении после вечера, то по дороге домой его могут разочаровать неожиданной встречей.

Проводив Чу И до того самого участка дороги, где не горели фонари, парень указал на скопление старых домов впереди:

— Мой дом там.

— Понял. — Янь Хан посмотрел вперед, не разбирая, какой именно из домов имеется в виду, но зная, что Чу И вряд ли захочет подпускать кого-то ближе к порогу, он остановился.

— Спасибо, — произнес Чу И.

— Болтовни много, иди уже, — бросил Янь Хан.

— Если... когда-нибудь, — Чу И посмотрел на него, — ты уедешь, я буду... очень скучать.

Янь Хан улыбнулся.

Чу И тоже улыбнулся, подошел, схватил его за руку, слегка сжал и, развернувшись, быстро зашагал прочь.

Янь Хан стоял на месте, пока фигура Чу И не скрылась из виду, затем закурил, зажав сигарету в зубах, и не спеша поплелся обратно.

Фраза Чу И оставила у него какое-то странное, неопределенное чувство.

Рано или поздно он все равно уедет.

Это была мысль, которая посещала его в каждом новом месте. Помимо бесконечной неизвестности, других ощущений у него не возникало.

Потому что он ни с чем и ни с кем в этих местах не был связан.

Я пришел, я ушел, и в местах, где я когда-то жил, не осталось ни следа.

Поэтому отъезды и переезды не вызывали никаких особых переживаний.

Но сейчас, услышав слова Чу И, он вдруг ощутил легкую тоску.

Здесь он оставил след: один мальчишка, ученик восьмого класса, будет его помнить.

Однажды, обернувшись назад, он увидит обрывки воспоминаний, и какой-то город перестанет быть для него просто точкой на карте.

Когда он вернулся домой, папа уже принял душ и переоделся в пижаму. Все, что стояло на столе, он перенес на кухню, но не помыл, а просто сложил в раковину.

Янь Хан после пробежки наелся до отвала, и сейчас его разморило, поэтому он просто сел на диван и уставился в одну точку.

Папа смотрел вечерние новости. Если не считать мегаполисов, в обычном городе новостей на

каждый день не напасешься, так что это были те же самые выпуски, что крутили днем, а в воскресенье еще и будет итоговая передача. Янь Хан чувствовал, что, пока папа дома, он сам скоро сможет пересказывать новости наизусть.

— Завтра снова идешь бегать с Чу И? — спросил папа.

— Угу, схожу. Мне все равно нужно тренироваться, — ответил Янь Хан.

— Хорошо, — папа кивнул и поднялся. — Пойду спать.

— Идешь спать сразу после того, как набил живот мясом? — Янь Хан взглянул на него. — Мужчины среднего возраста легко набирают вес, ты бы хоть за своим пузом приглядывал.

— Не завидуй моей фигуре, — папа потянулся и ушел в свою комнату.

Завтра на работу, нужно было постараться уснуть. Посидев еще немного в телефоне, Янь Хан принял душ и тоже отправился в постель.

Он долго ворочался, но сна не было ни в одном глазу. Он взял телефон, открыл Вичат и заглянул в Круг друзей. Среди кучи рекламных объявлений от разных магазинов он заметил смайлик, отправленный Чу И час назад.

Самый обычный, стандартный «улыбающийся» смайлик.

Такой неприметный, что если пролистывать ленту чуть быстрее, то можно и не заметить.

Янь Хан усмехнулся, гадая, какой смысл вкладывает Чу И в эти маленькие картинки.

Посмотрев еще немного в экран, он понял, что спать не хочет, и включил фильм.

Ужастик.

Через полчаса он так и не увидел ничего пугающего, зато чуть не умер от страха из-за саундтрека и криков героини, которые повторялись каждые пять минут, поэтому выключил его.

Наоборот, теперь он окончательно проснулся и был бодр как никогда.

Ему пришлось встать, пойти на кухню, налить воды и принять таблетки.

Возвращаясь, он заметил, что в папиной комнате все еще горит свет. С тех пор как папа ушел туда, прошел уже больше часа. Обычно папа спал крепко, особенно в те вечера, когда они ели закуску и выпивали — спустя двадцать минут после того, как он заходил в комнату, свет уже гас.

Если он так долго не мог уснуть, то обычно приходил к Янь Хану проверить, не спит ли тот, и если сын был еще бодр, они немного болтали. Но сегодня папа не заходил.

Янь Хан немного помедлил, тихо подошел к двери и прислушался.

Было очень тихо, ни звука, но в нос ударил слабый запах сигарет.

Посреди ночи не спать и прятаться в комнате, куря так, что запах доходит до коридора — это было на папу совсем не похоже.

Столько лет, если не считать внезапных отъездов и случайных травм, он жил вполне здорово, и подобное курение было чем-то из ряда вон выходящим.

Янь Хан поднял руку, желая постучать, но продержал ее так, пока не заныли мышцы, а постучать так и не решился.

В конце концов он вернулся к себе, выпил две таблетки и лег.

Лекарства подействовали, и ему удалось уснуть, правда, утром голова была тяжелой.

Янь Хан, чувствуя, будто его голова весит не меньше сорока килограммов, медленно вышел из комнаты. Он бросил взгляд в сторону папиной спальни — дверь была открыта.

Заглянув внутрь, он увидел, что папы там нет. Обернувшись к обувной полке, он убедился, что обуви тоже нет — видимо, папа ушел.

Он вошел в комнату и распахнул настежь окно, которое было приоткрыто лишь на щель.

У папы была привычка заправлять постель сразу после сна, поэтому нельзя было понять, спал он или нет, но запах табака, который еще не успел окончательно выветриться, доказывал: даже если он спал, то совсем недолго. Судя по запаху, папа курил почти всю первую половину ночи.

Приведя себя в порядок с тяжелой головой, Янь Хан уже раздумывал, что бы такое приготовить на завтрак, как в прихожей звякнул замок. Янь Хан обернулся: папа вошел, неся пакет с дымящимися завтраками.

— Ты ходил за едой? — спросил Янь Хан.

— Ты вчера не выспался, — папа положил пакет на стол. — Вот я и проявил невероятную заботу. Вчера Чу И говорил, что там есть лавка, где готовят очень вкусные завтраки, и ассортимент хороший.

— Вы что, еще и об этом болтали? — Янь Хан начал по очереди доставать из пакета маленькие контейнеры. — Прямо как две бабки на лавочке.

— Мы обсуждали насущные вопросы, — отозвался папа. — Бабки не могут рассуждать так возвышенно, как мы.

— ...Оу, — Янь Хан осмотрел еду в контейнерах; ассортимент действительно был богатым, да и выглядело все аппетитно. Он взял тыквенную лепешку, которую любил больше всего, и откусил кусочек. — Еще что-нибудь из «насущного» обсуждали?

— Рассказывал про рынок, где есть пара точек с одеждой. Хотя местоположение и странное, но качество вещей приличное, да и стоят дешево, — улыбаясь, сказал папа. — Правда, он потом добавил, что мы вряд ли пойдем туда закупаться. Парнишка этот, конечно, любит поболтать, и язык у него подвешен, но все равно чувствуется в нем какая-то зажатость и неуверенность.

— С такой-то бабушкой у любого ребенка разовьется комплекс неполноценности, — заметил Янь Хан. — Да и мать его, кажется... тоже не подарок.

Обычно, когда речь заходила о бабушке или матери, Янь Хан не чувствовал ровным счетом ничего, но сегодня голос неожиданно дрогнул.

Папа, похоже, тоже это заметил и тихо вздохнул.

Янь Хан замолчал и продолжил есть.

Папа поднялся и подошел к нему со спины:

— Ну что, наследничек, опять голова тяжелая из-за недосыпа?

— Угу, весит килограммов сто, — отозвался Янь Хан.

Папа протянул руки и помассировал ему голову. Нажим был что надо, кожа головы сразу расслабилась, и он откинулся на спинку стула, позволяя папе продолжать массаж.

Папа старательно разминал ему макушку, затылок, шею и плечи.

— Вечером принесу овощей и вина, — сказал папа. — Выпьем по чуть-чуть, поболтаем.

— О чем? — спросил Янь Хан.

— А о чем ты сам хочешь? — папа продолжал разминать ему плечи.

Янь Хан прикусил губу. Он решался почти минуту, прежде чем произнести:

— Расскажи, как умерла мама.

Рука папы, с силой давившая на правое плечо, на мгновение замерла, а затем перешла на левое:

— Хорошо.

Чу И чувствовал, что опаздывает: проснулся он на двадцать минут позже обычного.

Будильника у него не было — телефонный будильник был слишком бестолковым: то не звонил вовсе, то его невозможно было выключить. Поэтому он полагался на биологические часы. Если они сбивались, то он мог проспать до полудня, и никто бы его не разбудил.

Но если он вставал поздно — его ждала ругань.

— Оценки никакие, а еще хватает наглости валяться до обеда, — бабушка, пожевывая сигарету, бросила:

— Даже с кровати сам подняться не можешь, никчемный!

Чу И промолчал, быстро умылся, схватил рюкзак и выскочил за дверь.

Только он выбежал из подъезда, как вдалеке, у поворота дома, увидел несколько человек. Он резко затормозил и бросился в противоположную сторону.

Это были Лян Бин с друзьями. Судя по виду, они гуляли всю ночь и только возвращались — сейчас они были как раз в том состоянии, когда им нужно было как-то взбодриться, и одной парой пинков они бы его не отпустили. Лучше было держаться от них подальше.